

ПОЧЕМУ ОДИНОК ДИРЕКТОР

НОРМЫ
МОРАЛИ

Стоило в Уссурийский драматический театр прийти новому главному режиссеру В. Шубину, как труппа, которая многим казалась безнадежно слабой, показала себя интересной и перспективной. Первый же поставленный Шубиным спектакль получил признание зрителей. За ним последовал еще ряд интересных спектаклей, подтверждавших, что театр на верном пути.

Однако вскоре стало известно, что молодой главреж позволяет себе приходить на работу под хмельком, и были случаи, когда возмущенные его поведением артисты покидали репетиции. Постепенно перестали радовать и сами спектакли, особенно выбор репертуара. Мнение партийного бюро, художественного совета театра Шубин полностью игнорировал. Он позволял себе не явиться на собрание или прийти в таком виде, что говорить с ним было бесполезно. Обо всем этом написала в редакцию «Советской культуры» актриса и член художественного совета театра Р. Рейх.

Перед летними гастролями горком партии по просьбе партбюро театра решил рекомендовать управлению культуры не посылать на них Шубина. На этот предмет в горкоме состоялось специальное совещание, в котором приняли участие директор театра, секретарь партбюро, председатель месткома. Но на следующий день справедливое решение было отменено, причем горком не поставил об этом в известность партийное бюро театра. Никто из работников горкома не попытался убедить коммунистов театра, что присутствие главрежа на гастролях необходимо. Мотивировка? Не хотели окончательно подорвать авторитет Шубина, повредить делу...

Почти одновременно с письмом Р. Рейх в редакцию пришло еще одно, но уже из Амурского областного театра. Оно привело меня к другому руководителю, отнюдь не молодому, а опытнейшему и заслуженному — директору Амурского театра Н. Стародубу.

...На сцене шла репетиция новой пьесы. Среди прочих актеров ждала своего выхода недавняя выпускница театрального училища Ольга Кадникова. Неожиданно режиссера позвали к телефо-

ну. Через несколько минут он вернулся и действительно пригласил на сцену Кадникову. Но пригласил для того, чтобы заявить, что она немедленно отстраняется от репетиций до тех пор, пока не отрегулирует свой конфликт с дирекцией театра.

Под гробовое молчание присутствующих Кадникова покинула сцену.

Конфликт же заключался в следующем. Год назад, поступив в театр, Кадникова получила одну из комнат в двухкомнатной квартире. Меньшую. Однако по ошибке домоуправления ордер ей был выписан на большую комнату, которую в то время занимала другая актриса. В течение года Кадникова платила за большую комнату, а жила в меньшей. Когда же ее соседка покинула театр, в домоуправлении Кадниковой сказали, что она имеет право занять эту большую комнату. Так Кадникова и поступила, не испросив предварительного разрешения у директора.

В театре не ограничились тем, что незаконно отстранили актрису от репетиций. В тот же вечер четверо рабочих сцены по распоряжению директора незаконно выдворили Кадникову и ее мужа из большей комнаты в меньшую. Муж актрисы обратил с жалобой в городскую прокуратуру.

После этого директор театра Н. Стародуб предупредил Кадникову, что найдет способ от нее освободиться...

Молодые супруги понимают, что, прежде чем занять большую комнату, конечно же, следовало получить разрешение директора. Но их обидело, что директор сразу же начал с санкций, незаконных и обидных.

«Действительно, нельзя ли было решить конфликт менее болезненным и законным путем? Поговорить на местном, сказать, что думает о поступке актрисы коллектив...» Этот вопрос я и задал директору театра Николаю Федоровичу Стародубу.

Я не подозревал, что коснулся самого для него большого места.

— Все приходится решать одному, подставлять себя под все удары. — ответил Николай Федорович.

Ударов же этих, как выяснилось, было немало. Дважды за последний год городская прокуратура офи-

циально обращала внимание различных инстанций на то, что директор театра нарушает советские законы, на факты превышения им власти, на то, что он не считается с общественными организациями театра.

Все обходилось устным внушением, разговорами, потому что в инстанциях видели, что директор по-настоящему болеет за дело. Так считают в областном управлении культуры, в областном комитете партии.

Действительно, директору трудно, и правда, что он одинок. Но в чем причина этого одиночества в коллективе, которым он руководит и который воспитывал на протяжении восемнадцати лет?

Вот что говорит бывший председатель месткома Д. Шубинский:

«Артисты недовольны организацией выездных спектаклей, и я вынужден был обратиться с этим вопросом к Николаю Федоровичу. К сожалению, я попал в недобрую минуту, потому что он просто-напросто выпроводил меня из кабинета. Было так обидно, что я впервые за всю жизнь пошел жаловаться в горком партии. Мне посочувствовали, пообещали поговорить со Стародубом. Очевидно, плохо поговорили, потому что через несколько дней он снова обругал меня за то, что хожу жаловаться».

Член художественного совета А. Филоенко:

«У худсовета фактически отнято право решать, годен спектакль для показа зрителям или нет. Это решает директор. Последние два спектакля нам предложили смотреть вместе со зрителями прямо на премьере...»

Председатель местного отделения ВТО, заслуженный артист РСФСР Ф. Суприн:

«Директор отлично разбирается во всех вопросах работы театра, в том числе и чисто творческих. Но это его достоинство переросло в недостаток. В театре знают, что даже актеров на роли назначает он. Жалобы на то, что главный режиссер уклоняется, несостоятельны. За семь лет его приучили к этому. Ведь спорить с директором невозможно. Он все «знает лучше всех».

На отчетно-выборном собрании секретарь партбюро Н. Агафонов сделал попытку проанализировать работу директора-коммуниста. Отдавая

должное его профессиональной компетентности, он вместе с тем критиковал его за нетерпимость к мнению товарищей, склонность к диктату за пренебрежение к демократическим нормам нашей жизни. После этого в адрес секретаря партбюро и на собрании, и главным образом вне его посыпались обвинения в групповщине, в закулисной деятельности.

Таковы лишь некоторые факты.

В Благовещенске многое прощают Н. Стародубу, прощают и трудный характер, и непомерно большую текучесть кадров, главным образом потому, что театр пользуется успехом у зрителей. Скажем прямо, в небольшом городе это действительно не просто, но можно ли финансовым успехом оправдать пренебрежительное отношение к коллективу?

Для актера, для любого работника театра важен личный общественный, гражданский опыт, который он приобретает, участвуя в жизни своего коллектива. Отстранять работника от такого участия — значит не только искусственно сужать этот опыт, но в известном смысле извращать его, подрывать веру в идеалы, которые актер призван отстаивать на сцене.

Руководителю, художественному или административному, мало обладать личным талантом или организаторскими способностями. Важно уметь увлечь весь коллектив. Вспомним письмо Р. Рейх. Вдохновляя людей, советуясь с ними, режиссер Уссурийского театра поначалу добился эффекта, подобного «чуду». Приписав успех одному себе, он растерял приобретенное всем коллективом.

Конечно, если бы в обоих этих случаях речь шла о руководителях менее способных, профессионально неподготовленных, слабых, органы культуры, ответственные за работу театра, вероятно, проявляли бы меньше терпения. Но даже если речь идет о людях талантливых, следует помнить, что талант руководителя — это не только твердость, личные знания и способности, но и неперемное умение разбудить творческие силы подчиненных.

Вести их и учиться у них.

М. БРИМАН.

наш спец. корр.

УССУРИЙСК —
БЛАГОВЕЩЕНСК.